

О. Ю. ГОНЧАРКО, Д. Н. ГОНЧАРКО

Этика и/или логика в «Трактате» Л. Витгенштейна?

Несмотря на то, что «Логико-философский трактат» формально посвящен разбору и уточнению логических, теоретико-познавательных и онтологических понятий, рассмотрению и критике подходов к анализу высказываний (*propositions, die Sätze*) как основного структурного элемента логики, проблемам логического синтаксиса и логической семантики и другим логическим вопросам, сам автор полагал, что по существу его труд посвящен этической проблематике, тому, что невозможно высказать (о чем следует молчать), что с трудом подлежит высказыванию или вообще ему не подлежит. Причем подойти к этому молчанию можно только взобравшись по лестнице логических высказываний, которую и предлагается отбросить в конце «Трактата» по факту ее использования по назначению.

Вместе с тем в «Трактате» обнаруживаются следующие идеи, проясняющие данную проблему с иной стороны:

«Логика не теория, а отражение мира. Логика трансцендентальна»¹; «Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика едины.)»².

В отечественной философской традиции существуют различные историко-философские, теоретико-познавательные, онтологические, метафизические и даже аналитические интерпретации, поясняющие, каким именно образом могут быть связаны логика и этика как вообще, так и в «Трактате» в частности. Однако в данной статье хотелось бы сосредоточиться на выявлении собственно логической (структурной) аналогии между этическим и логическим дискурсами, выявить «логический аргумент» в пользу

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 6.13.

² Там же. 6.421.

их соответствия и рассмотреть его на материале отечественных философских комментариев к «Трактату» Л. Витгенштейна.

То, что не может быть высказано или оформлено в виде высказывания или фразы, то, что невыразимо в языке, — главный лейтмотив и основной «аттрактор» витгенштейновских как этических, так и логических размышлений. Идее невыразимости этического посвящены один из наиболее важных текстов Витгенштейна по этике³, а также целый ряд как отечественных, так и зарубежных исследований. Идее невыразимости логического — целая глава о логике, заканчивающаяся подразделом «Этика», в книге В. В. Бибихина⁴. В этой главе особое внимание уделено понятию тавтологии как основному исходному логическому принципу. Невыразимость логической проблематики и корень всех логических проблем Витгенштейн, с точки зрения Бибихина, полагает в неопределенности тавтологии, а также неопределенности определения (это лишь следствие проблемы тавтологии, как и знаменитый расселовский парадокс). Однако не стоит интерпретировать витгенштейновский вывод о невыразимости невыразимого в духе агностицизма или скептицизма, скорее этот принцип несет эпистемически оптимистическое содержание: не молчать, но сказать не больше того, что мы знаем. <...>

В этом даже можно усмотреть противоречивость самой логической установки Витгенштейна применительно к этике: с одной стороны, этические высказывания все-таки необходимы, но высказывать стоит не более того, что мы знаем; а с другой стороны, необходимо молчать о том, о чем мы все равно знаем, но каким-то иным способом знания. В этом смысле отличие знания от знания — принципиальная как с точки зрения логики, так и с точки зрения этики задача. Перед тем как перейти к этике, нужно проделать огромную (если не бесконечную) логическую работу: познать само знание (снова тавтология, снова круг, дурная бесконечность). <...>

Совершенно противоположная оценка жизненных стратегий Витгенштейна представлена у Бибихина: Судьба человека, который метался в поисках путей, почти ничего не напечатал, оставил все во фрагментах, последние годы был неизлечимо болен, может показаться незавидной. Поэтому у него оставалась необходимость, умирая, перед последней потерей сознания

³ Витгенштейн Л. Лекция об этике // Даугава. 1989. № 2. С. 98–105.

⁴ Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 19–115.

сказать: «Передай им, что у меня была прекрасная жизнь»⁵. И действительно, какими могут быть логические, этические и жизненные установки философа, находящегося попеременно в двух неразрешимых логических ситуациях (либо в тавтологии, либо в противоречии), имеющих далеко идущие как этические, так и жизненные последствия?

Вместе с тем философ обязан находиться в этом круге тавтологий и противоречий — более того, направить всю свою деятельность именно на работу с ними. Он не имеет права удовлетвориться любым их рабочим определением (собственно из смены таких рабочих определений и состоит история логики, демонстрируя приверженность прагматическому подходу к определениям еще задолго до формулировки самой прагматической теории истинности), выйти из порочного круга и начать решать прикладные задачи (логического, этического или жизненного плана). Он должен остаться на зыбкой почве философского скептического (в исходном, греческом смысле этого слова) вопрошания и добровольно попасть в классическую философскую ловушку — круг в определении (Аристотель), или умножение понятий (У Оккам), или парадокс автореферентных терминов (Б. Рассел) — у этого явления, суть которого заключается в рефлексии (или, другими словами, в удвоении понятия самим собой), появилось много названий в истории философии.

Практически все исходные философские понятия обладают этим свойством — самоотражением. Они устроены так, что предполагают сами себя. Таковы все исходные понятия как логики и теории познания, так и остальных разделов философского знания: чтобы сформировать понятие о чем бы то ни было, необходимо сначала сформировать *понятие о понятии*; прежде, чем задаваться вопросом о смысле жизни, необходимо озаботиться вопросом о *смысле смысла*; прежде чем познавать конкретную предметную область, важно познать само познание; *определить определение* прежде чем определять все остальные понятия и т. д. Очень важно, что от того, каким образом *определено определение* (а эта тавтология принципиальна), зависит ряд, на первый взгляд, неосознаваемых, но существенных в дальнейших выводах последствий: в зависимости от *определения процедуры определения* определяется тип той или иной логики (например, аристотелевская силлогистика и исчисление высказываний предполагают совершенно разные определения процедуры определения). Аналогичную философскую проблему (круг, отраже-

⁵ Библихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 11.

ние, автореферентность, удвоение, рефлексивность) наследует и такой раздел философии, как этика, отвечающая на вопросы о понятиях блага, долженствования, правил поведения, закона и проч. Но этические категории (этические понятия или, в силу сложности их определения, этические константы), также как и понятия логики, заключают в себе (при теоретическом их рассмотрении) свойство самоотражения (удвоения, рефлексии, автореферентности): разговор о долженствовании предполагает «порочный» круг вопрошания о том, что *должно быть должным*, т. к. понятие долга предполагает само себя так же, как и *понятие понятия*; говоря о правилах, необходимо поставить вопрос о том, в чем *правильность данных правил*, почему правильны именно эти правила, а не какие-то другие; говоря о законе, рассмотреть вопрос о том, является ли этот *закон законным* или он нарушает все мыслимые представления о законности; и наконец, говоря о благе — является ли благим само представление о поступке как неизбежно предполагающем дихотомию благо/зло, ведь нет ничего более конфликтного, чем представления о благе в разных обществах, разных культурах и у разных людей. Еще Аристотель предупреждает в «Никомаховой этике» о том, что все стремятся к благу, но каждый под благом может понимать что-то свое. Конфликт представлений о благе в христианстве породил целый жанр богословия — теодицею. В современной аналитической этике производятся попытки учесть этический и логический статус суждений о благе в этических системах (религиозных, светских, традиционных и философских) разных культур в разные исторические эпохи.

Еще Секст Эмпирик как представитель скептической школы познания обосновывал невозможность как этических, так и логических суждений, а также этики и логики вообще, начиная свои рассуждения с основного понятийного деления этических категорий на *добро — зло — безразличное*: принятый «для установки этого деления аргумент не отличается от самого этого деления. Поэтому если данное доказательство содержит подтверждение в себе самом, то деление будет своим собственным подтверждением, не отличаясь от доказательства»⁶. Примерно такой же способ рассуждений применим и к логике, а именно к делению ее значений на *истину — ложь — неопределенность*. Поскольку принцип бивалентности лежит в самих основаниях логики, он не может быть доказан. Ему можно лишь доверять,

⁶ Секст Эмпирик. Против этиков // Секст Эмпирик. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1976. С. 7.

а доверяет ему тот, кому он кажется очевидным, поэтому ничто не препятствует этому принципу не признать. Признание трехзначности этики или ее двузначности тоже производится на основании веры или очевидности, поэтому может производиться лишь некоторым мета-актом, но не внутри самой этики.

В связи с этим Секст Эмпирик предлагает произвести деление этических категорий следующим образом: «из сущего одно безразлично, а другое различается; а из различающегося одно — добро, а другое — зло»⁷. Но если первичным становится разделение на «безразличное» и «различающееся», то чем является «безразличное» в данном смысле? Чтобы ответить на данный вопрос, стоит привести некоторые положения касательно трехзначной логики. При описании смысла зависимостей между истинными значениями трехзначная логика вводит третье значение истинности: неопределенность. Сразу возникает вопрос: какой смысл упускает двузначная логика, отвергая третьезначие истинности? В трехзначной логике мы практически теряем закон «исключенного третьего» (он модифицируется в закон «исключенного четвертого») и полностью — закон противоречия. Таким образом, можно сказать, что, теряя закон противоречия, мы теряем смысл логики как логики, но получаем некоторый формальный инструмент для работы с неопределенностью. Информация, состоящая в том, что $Q(x)$ есть «не определено», не может быть использована алгоритмом; «не определено» означает только отсутствие информации, заключающейся в том, что $Q(x)$ есть «истина» или «ложь». $Q(x)$ есть «не определено» — это констатация нашего незнания. Поэтому двузначная логика теряет саму потерю знания которая всегда важна, поскольку без учета факта потери знания, мы можем утвердиться в ложной его полноте. Без учета бессмысленности мы теряем сам смысл. В случае логики, трехзначность появляется тогда, когда совершается попытка формализовать высказывания, касающиеся будущих случайных событий; в случае этики неопределенность есть результат нашего незнания добра и зла, невозможности их четко различить, отсутствия однозначного критерия.

Данный пример хорошо иллюстрирует принцип работы «рабочих» определений: они не универсальны, однако работают. Витгенштейна принципиально не устраивает такая ситуация. Он пытается работать на уровне всеобщности. Вместе с тем ему близка идея не терять потерю знания. Однако справиться с ней он пытается несколько другими, нежели Я. Лукасевич, средствами. <...>

⁷ Там же. С. 9.

Еще одним аргументом в пользу единства логического и этического содержания «Трактата» может служить не только сама мысль Витгенштейна об этом и ее различные историко-философские интерпретации последующих комментаторов, но и последствия некоторых логических идей Витгенштейна, которые проявились в развитии неклассических логик (особенно таких модальных логик, как эпистемическая, посвященная анализу работы эпистемических модальностей, и деонтическая, созданная для анализа этических операторов) и также отражают структурное единство таких разных на первый взгляд разделов философского знания, как этика и логика.

В статье Б. Д. Копланда⁸ характеризуется роль Л. Витгенштейна в истории создания современных неклассических логик: Витгенштейн занимает как исторически, так и идейно первое место в ряду отцов-создателей семантики возможных миров (Витгенштейн, Льюис, Гедель, Фейс, Карнап, Тарский, фонВригт, Прайор, Монтегю, Хинтиikka, Крипке). Конечно, существует и средневековая и новоевропейская предыстория семантики возможных миров (Дунс Скотт, Вильям Оккам, Лейбниц и проч.), однако современная, или т. н. техническая, эра семантики начинается с идей Витгенштейна, чьи замечания в «Трактате» о логически необходимых (тавтологии. — *О. Г.*) и логически невозможных (противоречия. — *О. Г.*) суждениях оказали значительное влияние как на Мередита и Прайора, так и на Карнапа. В «Записках о логике» можно даже найти набросок таблиц истинности или матриц значений для исчисления возможных миров; идею о том, что мир может быть полностью описан, если обозначить истинность и ложность атомарных суждений; идею различия суждений пропозиционального исчисления на «логически истинные», «логически ложные» и вовсе не логические; и даже идею связи понятий тавтологии и противоречия с модальностью возможность. Что же касается непосредственно «Трактата», то по мере его написания «Витгенштейн объединил свои идеи в некоторый вариант неформального исчисления истинностных условий для тавтологий и противоречий с точки зрения их истинности или ложности во всех возможных вариантах в разных мирах (*states-of-affairs*)»⁹. Данные идеи представлены в «Трактате». Они сильно повлияли на Карнапа и впоследствии способствовали созданию формальной семантики для модальной системы S5,

⁸ *Copeland B. J. The Genesis of Possible Worlds Semantics // Journal of Philosophical Logic. 2002. N 31. P. 99–137.*

⁹ *Ibid. P. 273.*

которая легла в основу различных эпистемических, временных, алетических и деонтических логик. Связь деонтической логики и семантики возможных миров была достаточно быстро открыта логиками (Кангером, Хинтиккой, Монтегю и фон Вригтом), что послужило поводом сделать вывод об общем «модальном ядре» основных разделов философского знания (в том числе логики и этики), чему изначально послужили идеи «Трактата», в котором Л. Витгенштейн намекнул на невыразимое и все еще не осмысленное единство логического и этического знания.

